

- Гостиная компании Яоцзин -

За панорамными окнами один за другим вспыхивали неоновые огни, и холодное сияние ночного города отразилось на резком, безупречном профиле Дуань Минчуаня.

Перед ним, в строгом соответствии с его привычкой к педантизму, лежал сценарий фильма «Под суетой».

Нельзя было сказать, что он испытывал к этому проекту какой-то особенный интерес, однако Дуань Минчуань всегда проявлял безукоризненный профессионализм в подходящих ситуациях, в точности воплощая в жизнь все требования режиссера.

Режиссер Чжэн действительно пользовался большой славой, но Дуань Минчуань уже давно перерос тот этап, когда для доказательства собственной состоятельности ему требовалась поддержка именитых постановщиков.

Он находился в отпуске, когда один срочный звонок от Се Юйцяо заставил его прервать отдых и вернуться.

Эта женщина-директор, всегда державшая всё под жестким контролем, в тот раз позволила себе проявить редкую слабость:

- Мне нужна твоя помощь.

В индустрии развлечений никогда не было недостатка во внутренних распрях или фальшивых чувствах, рожденных лишь корыстными интересами, но Дуань Минчуань всегда питал глубокое чувство благодарности к Се Юйцяо.

Когда ему было чуть больше двадцати, молодая Се Юйцяо, вопреки всеобщему скептическому мнению, лично взялась за его продвижение и помогла получить роль в фильме, который заложил прочный фундамент на его пути к званию великой кинозвезды.

Эту встречу можно было с полной уверенностью назвать судьбоносной.

- Ты наверняка видел последние новости, - Се Юйцяо поставила перед ним чашку кофе. - Я искренне надеюсь, что ты сможешь получить этот проект.

Компания Яоцзин отчаянно нуждалась в эффектном реванше.

В свое время, чтобы спасти компанию и взять ситуацию под полный контроль, руководство Чэньхуа поставило жесткое условие: Чэнь Линьфэн должен окончательно уйти из индустрии.

У Чэнь Линьфэна не осталось иного выхода. Конечно, он мог бы попытаться разжалобить своих фанатов, но стоило лишь прозвучать показаниям уже заключенного под стражу Чан Фэя, как его неминуемо ждало тюремное заключение.

Тот факт, что причастность Чэнь Линьфэна к этому делу не была предана широкой огласке, стал результатом тайной сделки, которую Се Юйцяо заключила с Чан Фэем во время визита к нему вместе с адвокатом. Условием было то, что Яоцзин приложит все возможные усилия для решения проблем Чан Фэя.

Если бы столь популярный артист оказался открыто замешан в подобном скандале, Яоцзин уже не смогла бы спастись от краха.

В любом случае, этот инцидент стал сокрушительным ударом как для компании, так и для самой Се Юйцяо, но она сохраняла стойкость и не собиралась склонять голову - еще не всё было кончено.

Дуань Минчуань был актером с безупречной репутацией и истинным талантом, настоящим козырем в рукаве Яоцзин. Получив известие о фильме «Под суетой», Се Юйцяо немедленно приняла решение.

Использовать все имеющиеся ресурсы и бороться до самого конца.

В Дуань Минчуане она была уверена на все сто процентов.

Дуань Минчуань взял кофе, поблагодарил её и невозмутимо произнес:

- Директор Се знает, что мне сложно участвовать в ваших коммерческих играх.

- Я, конечно, понимаю. В этот раз мы хотим выиграть роль не за счет информационной войны, а надеемся, что ты убедишь режиссера своим истинным мастерством, - голос Се Юйцяо звучал искренне. - Минчуань, твой профессионализм - лучший ответ.

Дуань Минчуань внезапно сменил тему:

- Я смотрел «Безымянную птицу», у Ши Цзяня действительно поразительный талант.

Взгляд Се Юйцяо на мгновение застыл.

- Но с самого начала он выбрал неверный путь актерской игры, - Дуань Минчуань повернул голову. - Эмоциональный выплеск, безусловно, может тронуть зрителя, но точный контроль способен затронуть сердца не менее глубоко, при этом он более уместен и устойчив.

Се Юйцяо молча выдохнула: она поняла, что он согласился.

- Если режиссер действительно стремится к вершинам киноискусства, - голос Дуань Минчуаня звучал размеренно, - я убежу его своим способом.

Се Юйцяо пожала руку Дуань Минчуаню и с улыбкой посмотрела на него:

- Это именно то, на что я надеялась.

Сценарий «Под суетой» лежал именно там, где Ши Цзянь обязательно должен был пройти.

Он не знал, кто его принес, и никто не напоминал ему об этом, но было совершенно очевидно, что сценарий предназначался именно ему.

Однако Ши Цзянь лишь ходил туда-сюда, так и не задержавшись возле него ни на секунду.

Чу Юнь всё еще не вернулся, и Ши Цзянь чувствовал какую-то необъяснимую, гнетущую тревогу. Иногда он невольно сжимал бриллиант, причиняя себе боль, иногда бессознательно ковырял старые шрамы на своем теле.

Словно тысячи муравьев прогрызли где-то тайный ход и теперь ползали по его венам.

Эта тревога пронизывала его всего изнутри.

Он решил пораньше вернуться в спальню, но так и пролежал там, ворочаясь с боку на бок. В этой крошечной комнате воздух казался настолько разреженным, что у него начала кружиться голова.

Он забылся в тяжелой полудреме, но словно постоянно боролся с самим собой, отчаянно пытаясь не уснуть. Когда он наконец открыл глаза, то обнаружил, что всё его тело покрылось холодным потом.

Рядом было пусто – Чу Юнь так и не вернулся.

В такие моменты тоска по Чу Юню становилась почти невыносимой. Ши Цзянь встал и снова отправился в душ, втайне надеясь, что ледяная вода сможет смыть эту беспокойную тревогу.

– Пытаешься мне что-то доказать? – сквозь шум воды донесся приглушенный голос, который мгновенно пронзил его сознание.

Ши Цзянь распахнул глаза.

Вода стекала по ресницам. Потребовалось несколько секунд, чтобы осознать: Чу Юнь перед ним настоящий, это не сон и не очередная галлюцинация.

Холодная вода продолжала литься, и она была настолько ледяной, что обжигала кожу при каждом прикосновении.

Чу Юнь приложил ладонь к его лицу:

- Хочешь серьезно заболеть? Бросаешь мне вызов? Или хочешь, чтобы я тебя пожалел?

Ши Цзянь не знал.

Возможно.

Может быть, где-то в глубине души он действительно хотел вымолить хотя бы каплю сострадания, чтобы Чу Юнь тоже пожалел его.

Цена отказа от мира света и теней - эти вечные насмешки и холодность любимого человека - была слишком болезненной.

Поток воды прекратился.

Последняя капля медленно соскользнула с кончика волос. Ши Цзянь чувствовал себя так, будто на него вылили ушат ледяной воды - жалкий, дрожащий и промокший до нитки.

Ши Цзянь стоял, весь продрогший, и, решив, что Чу Юнь всё же хочет его, внезапно схватил того за запястье.

По крайней мере, в этом он всё еще имел какую-то ценность.

Рубашка Чу Юня намокла.

Он не стал приближаться к нему.

Вместо этого он холодно произнес:

- Не разбрасывай повсюду вещи, которые мозолят глаза. Если не хочешь на них смотреть - брось в печь и сожги.

Хватка Ши Цзяня ослабла, и Чу Юнь с резким движением выдернул руку.

- Я же сказал, хватит смотреть на меня с таким видом, будто я тебе что-то должен.

Ши Цзянь слышал эти слова, но сам не знал, какое выражение лица в этот момент было у него.

- Это очень раздражает.

Ах, значит, раздражает.

- Прости, - он окончательно разжал руки.

- Ты опять за своё.

И правда, прости. Он снова принес свои извинения.

Но молодой господин забыл, что он сам по себе человек неполноценный, с изъянами в голове, и совершенно неизвестно, в какой именно момент он может что-то окончательно потерять.

Когда он вышел из душа, его зрачки внезапно сузились.

Чу Юнь сидел на маленьком диванчике у стены и медленно листал страницы сценария.

Ши Цзянь застыл на месте, ощущая какой-то необъяснимый, жгучий стыд, словно его при всех ударили по лицу, хотя истинной причины этого чувства он не понимал.

- Хочешь сниматься?

У Ши Цзяня зазвенело в ушах, и он, кажется, медленно покачал головой.

- Подойди.

Ши Цзянь подошел.

Он стоял, физически возвышаясь над ним, но человек, сидящий на диване, казался тем, кто смотрит на него свысока.

Он смотрел, как Чу Юнь закрыл сценарий, и его взгляд был намертво прикован к этим словам. Ему действительно хотелось, как и сказал Чу Юнь, бросить этот сценарий в печь и сжечь.

- Почему не хочешь?

- Тебе не нравится, - Ши Цзянь уставился на сценарий, произнеся это словно не задумываясь. - Я хочу... чтобы ты был доволен.

Его резко дернули, и он на мгновение пришел в себя, неожиданно встретившись взглядом с глазами Чу Юня.

Сияющие... такие невероятно красивые.

Ши Цзянь всегда считал, что все звезды на ночном небе и все драгоценные камни, хранящиеся в галерее «Наследие», даже вместе взятые, не смогут сравниться с ослепительной красотой глаз Чу Юня.

Они светились живым, пульсирующим светом, который, казалось, пронзал его насквозь, и, причиняя почти физическую боль, одновременно дарил ему ощущение жизни.

Чу Юнь внезапно улыбнулся.

- Поцелуй меня, - это был не просто запрос, а прямой приказ.

И покорный подданный беспрекословно подчинился.

Нежно и в то же время страстно, Чу Юнь обхватил его руками за шею, которая всё еще хранила влагу после душа.

В тишине комнаты раздались влажные, тягучие звуки поцелуев.

В этой тесной, удушливой комнатухе, которая была совершенно чуждой Чу Юню и его привычному миру роскоши, казалось, даже кислород был выпит до самого дна. Маленький одноместный диван вскоре сменил своего хозяина.

Чу Юнь, словно хищная рыба, преследующая наживку, порывисто и жадно прижимался к Ши Цзяню; его обычная спокойная, высокомерная осанка сменилась нетерпеливым, почти лихорадочным порывом.

В одно мгновение их роли поменялись.

Чу Юнь навалился на Ши Цзяня, с силой вдавливая его в мягкую поверхность дивана и крепко обхватив его бедра коленями.

Зажатые между подлокотниками, они прижимались друг к другу так плотно, что между ними не оставалось ни малейшего просвета.

Чу Юнь обхватил ладонями его красивое лицо. Рубашка сползла с его плеч, а губы слегка припухли от поцелуев. Он прижался лбом к его высокой переносице и кончиком языка медленно, дразняще коснулся изгиба губ.

Ши Цзянь зажмурился, отдаваясь ощущениям.

- Ты спросил у меня разрешения? - задыхаясь, прошептал Чу Юнь.

Рука Ши Цзяня блуждала по тем траекториям, которые больше всего любил молодой господин; он всё еще пребывал в легком замешательстве, отчаянно пытаясь угодить ему во всём.

Неужели и на это тоже нужно разрешение?

Пальцы, уже наполовину проникшие внутрь, внезапно замерли, а затем медленно, с неохотой отстранились.

Чу Юнь напряг шею, и его руки, обнимавшие Ши Цзяня, начали неконтролируемо дрожать.

- Ты посмел...

Ши Цзянь не посмел.

Именно поэтому он отстранился.

Чу Юнь тяжело припал к плечу Ши Цзяня, выгнув свою красивую, ослепительно белую шею.

Ему потребовалось немало усилий, чтобы выровнять сбившееся, рваное дыхание.

Внезапно он яростно укусил Ши Цзяня за плечо - с такой силой, что крепкие мышцы последнего произвольно напряглись.

Но Ши Цзянь не издал ни единого звука.

Когда на бледной коже остался отчетливый след от зубов, Чу Юнь, словно в знак своего торжества, удовлетворенно облизал место укуса.

Ши Цзянь совершенно не понимал, что за новые причуды появились у молодого господина, поэтому лишь молча терпел всё происходящее, покорно ожидая следующей команды.

- Отказавшись от этого сценария, ты хоть представляешь, сколько проблем мне создал?

Зрачки Ши Цзяня дрогнули, всё его тело мгновенно напряглось.

- Яоцзин хочет с его помощью отыграться и попытаться подавить меня? Это просто какой-то бред, - Чу Юнь насмешливо усмехнулся. - Смешно.

Он поднялся, перехватил руку и сжал горло Ши Цзяня, слегка надавив, заставляя того смотреть только на него одного.

- Мои люди не имеют права проигрывать какому-то мусору извне, ты меня понял?

Поэтому...

- Не позорь меня, - Чу Юнь резко отпустил его. - Послушно иди на пробы.

Звук его голоса внезапно оборвался.

И только сейчас Ши Цзянь понял: «разрешение», о котором говорилось ранее, вовсе не относилось к пальцам или чему-то подобному.

Значит, теперь можно войти.

Он всё понял.

Чу Юнь больше не мог произнести ни слова.

В те моменты, когда он снова и снова пытался доставить молодому господину высшее наслаждение, Ши Цзянь не знал, радоваться этому или печалиться.

Где-то в самой глубине души он сопротивлялся – возможно, не только ради Чу Юня, но и ради самого себя.

Если он снова станет тем безумцем, который полностью сливается с ролью, и окончательно вытеснит Тун Хуа из своего тела, не случится ли... не случится ли что-то непоправимое?

Но сейчас было совершенно не время об этом думать.

Стоны Чу Юня, разрывающие тишину, возвращали его в реальность.

Глубокой ночью, после того как его трижды заставили принять душ, а Чу Юнь устроил настоящий переполох в ванной, Ши Цзянь окончательно пришел в себя.

Когда человек в его объятиях наконец уснул, перестав звать его по имени, Ши Цзянь на цыпочках встал, осторожно взял сценарий и прошел в маленький кабинет.

Не желая никого беспокоить, он зажег лишь одну маленькую настольную лампу.

Четыре иероглифа названия «Под суетой» в тусклом, дрожащем свете искажались, словно открывая дверь в другой, неведомый мир.

«Париж 1920 года, покинутое восточное чудо...»

Сцены одна за другой начали возникать перед его глазами, обретая плоть и цвет.

«Я потерялся не в суете, а в собственной тени».

Эти слова внезапно натянули внутреннюю струну, как смычок, больно и резко полоснув по

самому сердцу Ши Цзяня.

Он читал, с головой погружаясь в текст, страница за страницей. От первоначального колебания не осталось и следа – теперь он был полностью, абсолютно сосредоточен. Весь окружающий мир постепенно отступал, исчезал, и лишь образ Фу Сяньчжи из сценария вступал с ним в глубокий резонанс.

В коридоре за дверью царил абсолютная тишина.

Одинокая лампа собирала весь свет вокруг Ши Цзяня.

Он был настолько поглощен чтением, что совершенно не заметил, как Чу Юнь, который должен был крепко спать, тихо стоял за дверью.

Зрительный зал был пуст.

На сцене, под ослепительным, беспощадным светом прожектора, замерла одинокая фигура худощавого юноши.

В его взгляде читалась упрямая, почти фанатичная решимость, устремленная в пустые, темные зрительские ряды.

- Эти неистовые наслаждения закончатся неистовым концом.

Тон, поначалу мягкий и обволакивающий, постепенно становился резким, в глазах юноши вспыхнул яростный свет, сжигающий всё вокруг.

- Подобно поцелую огня и пороха, они исчезают в мгновение своего триумфа!

Дыхание Чу Юня, стоявшего в густой тени кулис, перехватило.

Он смотрел на него, чувствуя, как сжимается грудь, и невольно затаил дыхание, боясь спугнуть этот момент.

Юноша тихо, почти шепотом повторил:

- Эти неистовые наслаждения... закончатся неистовым концом.

На сцене и в зале воцарилась звенящая тишина.

Разрешить Ши Цзяню иметь работу - это было решение Чу Юня.

Отправить его работать актером - это был низменный, чистый эгоизм Чу Юня.

В пустом театре много лет назад он точно так же смотрел на Тун Хуа, будучи его единственным зрителем, и тогда он тоже так и не смог подарить ему ни единого аплодисмента.

Две фигуры наложились друг на друга сквозь пелену времени, отражаясь в зрачках, словно спустя долгие годы наконец произошла эта встреча.

Чу Юнь усмехнулся, с горечью насмехаясь над этим вымышленным сном, над этим бесконечным самообманом.

Он развернулся и ушел, едва слышно прошептав слова из своих воспоминаний:

- Эти неистовые наслаждения...

В конце концов, он не стал продолжать фразу, позволив второй её половине вернуться в далекое прошлое и навеки замереть там.